

УДК 929.52+614.23+614.258.1+378.242
DOI: 10.56871/MHCO.2024.48.75.008

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЕЙ

© Александр Павлович Щербо

Контактная информация: Александр Павлович Щербо — чл.-корр. РАН, д.м.н., профессор.
E-mail: ashcherbo@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6059-4758> SPIN: 4459-2875

Для цитирования: Щербо А.П. Вспоминая учителей // Медицина и организация здравоохранения. 2024. Т. 9. № 1. С. 81–94. DOI: <https://doi.org/10.56871/MHCO.2024.48.75.008>

Поступила: 25.01.2024

Одобрена: 19.02.2024

Принята к печати: 14.03.2024

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена памяти двух выдающихся отечественных гигиенистов со сложными судьбами и характерами, жизненные пути которых пересекались и сопровождались при этом радикальными научными противоречиями. Первый из них — профессор Григорий Витальевич Хлопин (1863–1929), до 1917 года — действительный статский советник, кавалер ордена Св. Станислава и двух орденов Св. Владимира, в советское время — заслуженный деятель науки России, основатель и заведующий несколькими кафедрами в стране, автор многих руководств, учебников и монографий. Хлопин впервые в стране разработал Программу подготовки санитарных врачей и внедрил ее на своей кафедре уже в 1912 году. В период Первой мировой войны по поручению Артиллерийского Управления Генерального штаба организовал на кафедре Противогазовую Лабораторию, которая разработала эффективные средства защиты на случай химической войны. Завершил свой жизненный путь Г.В. Хлопин в Военно-медицинской академии, где заведовал кафедрой гигиены. Другой выдающийся гигиенист, которому посвящена эта статья, — профессор Захарий Григорьевич Френкель (1869–1970), жизнь которого протекала также в двух контрастных эпохах. До 1917 года он, выпускник Дерптского университета, активный деятель земской медицины — клиницист, эпидемиолог, демограф, депутат Первой Государственной Думы, член Центрального Комитета партии Конституционных демократов. В советское время Френкель — организатор Гигиенического отдела в Музее Города, основатель и руководитель двух кафедр в Институте усовершенствования врачей, социальной и коммунальной гигиены, академик АМН СССР, многолетний руководитель Ленинградского Общества гигиенистов и санитарных врачей. Главным трудом своей столетней жизни З.Г. Френкель считал монографию «Удлинение жизни и активная старость», которая считается «библией» социальной геронтологии. Статья содержит малоизвестные факты биографий этих двух выдающихся ученых, представляет характер их научных разногласий, вытекающих, в том числе, из сложных характеров, что добавляет нестандартных красок в их портреты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Г.В. Хлопин, З.Г. Френкель, выдающиеся гигиенисты, судьбы в двух эпохах, научные достижения и противоречия, свойства характеров

REMEMBERING THE TEACHERS

© Alexander P. Shcherbo

Contact information: Alexander P. Shcherbo — Corresponding Member of the RAS, Doctor of Medical Sciences, Professor.
E-mail: ashcherbo@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6059-4758> SPIN: 4459-2875

For citation: Shcherbo AP. Remembering the teachers. Medicine and Health Care Organization. 2024;9(1):81–94.
DOI: <https://doi.org/10.56871/MHCO.2024.48.75.008>

Received: 25.01.2024

Revised: 19.02.2024

Accepted: 14.03.2024

ABSTRACT. The article is dedicated to the memory of two outstanding Russian hygienists with complex destinies and features of characters, who had crossed life paths and were accompanied by radical

scientific contradictions. First of them is Professor Grigory V. Khlopin (1863–1929), until 1917 — full state councilor, holder of the Order of St. Stanislav and two orders of St. Vladimir, in Soviet times — Honored Scientist of Russia, founder and head of several departments of higher learning in the country, author of many manuals, textbooks and monographs. Khlopin was the first in our country to develop a training program for sanitary doctors and introduced it at his educational department already in 1912. During the First World War, on behalf of the Artillery Directorate of the General Staff, he organized an Anti-Gas Laboratory at the department, which developed effective means of protection in case of chemical warfare. G.V. Khlopin completed his career at the Military Medical Academy, where he headed the department of hygiene. Another outstanding hygienist to whom this article is also dedicated is Professor Zakhary G. Frenkel (1869–1970), whose life also took place in two contrasting eras. Until 1917, he was a graduate of Dorpat University, an active figure in the area of zemstvo medicine — clinician, epidemiologist, demographer, deputy of the 1st State Duma, member of the Central Committee of the Constitutional Democrats Party. In Soviet times, Frenkel was the organizer of the Hygiene Department at the City Museum, the founder and head of two departments at the Institute for Advanced Medical Studies, Social and Communal Hygiene, an academician of the USSR Academy of Medical Sciences, and a long-term leader of the Leningrad Society of Hygienists and Sanitary Doctors. Z.G. Frenkel considered the main work of his hundred-year life to be the monograph “Life extension and Active Aging”, which is considered the “bible” of social gerontology. The article contains little-known facts from the biographies of these two outstanding scientists, presents the nature of their scientific disagreements, arising, among other things, from complicated characters, which adds non-standard colors to their portraits.

KEYWORDS: G.V. Khlopin, Z.G. Frenkel, outstanding hygienists, destinies in two epochs, scientific achievements and contradictions, character traits

16 апреля 2024 года Александру Павловичу Щербо — доктору медицинских наук, профессору, члену-корреспонденту РАН, заслуженному работнику высшей школы РФ, видному отечественному гигиенисту и педагогу — 80 лет!

Александр Павлович — автор более 600 научных публикаций, включая около 50 книг, он подготовил 11 докторов и 16 кандидатов наук, за монографии «Григорий Витальевич Хлопин. Листая страницы истории» (2006) и «Захарий Григорьевич Френкель. Жизнь длиною в век» в 2012 году удостоен Премии им. Н.А. Семашко Российской академии медицинских наук.

От всей души поздравляем Александра Павловича, члена Редакционной коллегии нашего журнала, с Юбилеем, желаем ему здоровья и долгих лет плодотворной работы! Публикуемая здесь статья о выдающихся отечественных гигиенистах частично отражает и жизненный путь юбиляра.

Эти заметки посвящаю своим учителям, — конечно, не только своим, — и, увы, давно ушедшим. Это профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Григорий Витальевич Хлопин (1863–1929, 66 лет) и профессор, академик Академии Медицинских наук Советского Союза Захарий Григорьевич Френкель (1869–1970, 100 лет) — еще и потому, что они были моими предшественниками в стенах «хлопинской» гигиенической кафедры на Кирочной, 41. Почему так казенно — «в стенах» — поясню чуть позже, здесь есть небольшой исторический казус.

Обычно такие статьи пишутся в дни юбилеев и персонально в адрес юбиляров. Здесь же, вне круглых дат, попытаюсь вспомнить двух больших ученых, жизни которых протекали в весьма контрастных эпохах и пересекались, иногда драматично, в научном, служебном и

общественном плане. Вспомнить, может быть в несколько обновленном ракурсе, двух незаурядных людей, которые имели проблемы политического свойства как «до», так и «после», смогли сохранить себя в годы советские, и, к тому же, в начале прошлого века трудились под одной крышей.

Впрочем, и некоторые «полукруглые» даты тоже способствуют этим заметкам: в минувшем 2023 году исполнилось 160 лет со дня рождения Г.В. Хлопина, а в нынешнем декабре можно будет отметить 155-летие З.Г. Френкеля. Нелишне, вероятно, вспомнить и о кончине Г.В. Хлопина 30 июля 1929 года — тому будет 95 лет — которая настигла его внезапно, за рабочим столом, в процессе подготовки документов для избрания в Академию Наук СССР. Напомню, Академии медицинских наук тогда еще не было.

Рис. 1. Григорий Витальевич Хлопин

Fig. 1. Grigory V. Khlopin

Увы, для выдающегося ученого этого избрания (которого он, бесспорно, заслуживал) не случилось. Однако двумя годами ранее Совнарком присвоил ученому почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР, которое в те годы было весьма редким и имело исключительно высокий общественный статус. Была опубликована его биография, а среди поздравлений выделялось торжественное письмо гигиенистов Ленинграда, подписанное группой специалистов во главе с Председателем «Общества работников санитарного дела и эпидемиологов» профессором Захаром Френкелем.

Заслуги Григория Витальевича в области научной гигиены, подготовки специалистов и санитарной практики расписывать здесь нет нужды, они широко освещены в литературе, включая и книги автора этой статьи. В ней приведу лишь некоторые яркие факты его биографии. К примеру, интеллекту, перу и энергии Хлопина принадлежала первая в России «Общая программа курсов для подготовки санитарных врачей», с инициативой внедрения в практику преподавания которой он выступил еще в 1912 году. Что и было реализовано на его кафедре начиная с весеннего семестра того же года.

Григорий Витальевич Хлопин (рис. 1) основал кафедру гигиены с общей бактериологией в Императорском клиническом институте Вели-

кой княгини Елены Павловны в 1906 году¹. Впоследствии кафедра стала родоначальницей других учебных подразделений профилактического вектора. Сначала курсов, потом полноценных кафедр, сложившихся позже в санитарно-гигиенический факультет; в поздней Санкт-Петербургской медицинской академии последиplomного образования (СПбМАПО) — факультет общественного здравоохранения, деканом которого мне довелось служить несколько лет.

Непосредственным учеником Г.В. Хлопина я, понятно, быть не мог, поскольку мэтр гигиены скончался еще до войны, а я родился всего лишь в предпоследнем ее году, и еще лет семь, как минимум, наукам, тем более медицине, не обучался. При этом продолжателем его кафедрального дела, и потому отчасти учеником, случилось быть в течение трех десятков лет. Когда с конца 70-х годов прошлого века и в первое десятилетие века нынешнего вместе с коллективом мы продолжали осваивать гигиеническую науку, в т.ч. по первоисточникам, в кафедральной библиотеке сохранялись руководства, созданные Г.В. Хлопиным, с правками и пометками его рукой.

Замечу при этом, что Григорий Витальевич за сравнительно недолгий отрезок созидательной жизни опубликовал научных текстов... 5736 (!) типографских страниц, или около 560 печатных листов одних только фундаментальных научных трудов. Невероятный масштаб даже для современных крупнейших фигур научного мира. Таким наследием Г.В. Хлопина являются четыре тома «Методов санитарных исследований», три тома «Основ гигиены», учебник «Курс общей гигиены», руководство «Военно-санитарные основы противогазового дела» и ряд других. Когда при написании монографии о нем и составлении списка трудов я сам принялся считать, то получившийся у меня объем его работ, без переизданий, составил более семи тысяч страниц [7]. Продуктивность вследствие трудолюбия, эрудиции и организованности — фантастическая.

Замечу, что свои капитальные труды Хлопин публиковал без соавторов (каковыми, вероятно, могли быть, и были, его сотрудники), что говорит, с одной стороны, об энциклопедических собственных знаниях ученого, а с другой — о некоторых свойствах характера, которых мы тоже коснемся.

¹ На сайте Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова (СЗГМУ) в разделе «История кафедры коммунальной гигиены» ошибочно указан 1806 год.

Обратим внимание на то, что Григорий Витальевич, будучи профессором гигиены в Одесском университете, был избран там также Председателем портового санитарного попечительства, и в этом качестве проявил себя как перспективный организатор и руководитель. И поэтому в 1904 году в Петербург он был приглашен вовсе не для организации кафедры в Еленинском институте, а на должность заведующего врачебно-санитарной частью учебных заведений Министерства народного просвещения.

Среди тринадцати министерств под крылом премьера С.Ю. Витте министерства здравоохранения не было, эти функции выполняли разные департаменты Министерства внутренних дел. Там шли хронические реорганизации сектора «народного здоровья», не вполне удачные и, вероятно поэтому, в Министерстве народного просвещения было решено создать собственную Врачебно-санитарную часть, организовать и возглавить которую и пригласили Г.В. Хлопина. Параллельно он стал преподавать в качестве профессора кафедры гигиены Санкт-Петербургского Женского медицинского института. Чиновником довольно высокого ранга Григорий Витальевич оставался до 1911 года.

В том же 1904 году в Императорском клиническом институте Великой княгини Елены Павловны состоялось собрание преподавателей, которое постановило ходатайствовать об учреждении в его составе кафедры гигиены с общей бактериологией. Высочайшее разрешение о создании кафедры в сентябре того же года было получено, состоялась закладка нового анатомо-гигиенического корпуса, где на втором этаже кафедра просуществовала в течение 105 лет [2], вплоть до расформирования в связи с объединением Санкт-Петербургской медицинской академии последиplomного образования (СПбМАПО) и Государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова (ГМА) в 2011 году. Заведовать кафедрой был приглашен уже известный ученый и одновременно, как мы знаем, государственный чиновник профессор Г.В. Хлопин. Официальной вехой начала деятельности кафедры является осень 1906 года, когда началось чтение курса химических и бактериологических методов санитарного исследования и проведение практических занятий. До 1912 года обучение на кафедре проходили врачи-клиницисты; подготовка санитарных врачей по разработанной Хлопиным программе, как было указано, началась в 1912 году.

Григорий Витальевич, награжденный орденом Св. Станислава и двумя орденами Св. Владимира, был в столице значительной фигурой,

поэтому ему не составляло труда привлекать к преподаванию крупных и известных специалистов и общественных деятелей, таких как депутат Государственной Думы А.И. Шингарев¹ (основы общественной медицины), С.К. Державский (вопросы обеззараживания), Д.К. Заболотный (эпидемиология), Г.Ю. Явейн (холера, тифы), Г.Д. Белоновский (учение о невосприимчивости). Среди них был и бывший депутат Первой Государственной Думы З.Г. Френкель, который, будучи опытным земским деятелем, читал вопросы организации практической медицины. Таким образом, работа будущего академика началась здесь в 1911 году.

Отметим, что с кафедрой было связано начало практической деятельности старшего сына Г.В. Хлопина — выдающегося в последующем отечественного радиохимика, Героя Социалистического труда, трижды лауреата Сталинской премии, академика АН СССР, профессора Виталия Григорьевича Хлопина (улица его имени, а также Радиевый институт его имени, который он много лет возглавлял, есть в современном Санкт-Петербурге), который в десятых годах XX века, будучи студентом Университета, работал преподавателем на кафедре отца.

Разразившаяся Первая Мировая война диктовала свои императивы: после применения немцами отравляющих веществ при Главном Артиллерийском управлении Генштаба был организован Химический комитет. Наличие в составе Клинического института кафедры гигиены, которую возглавлял Г.В. Хлопин, за плечами которого был физико-математический факультет Санкт-Петербургского и медицинский факультет Московского университетов, послужило основанием для обращения Химического комитета к руководству института с предложением организовать на кафедре Противогазовую Лабораторию с изготовлением средств защиты, на что были отпущены соответствующие средства. Руководителем лаборатории стал Г.В. Хлопин, являвшийся тогда, помимо прочих должностей, председателем Совещательной комиссии Химического комитета, исполнителями — будущий академик АН СССР профессор Н.Д. Зелинский, инженер К. Куммант и ряд других близких к предмету деятельности специалистов.

Директивы по разработке одного из видов продукции — новой конструкции противогаза (маски, фильтрующих элементов и пр.), изоби-

¹ Земский врач, общественный деятель, участник революционных событий 1905–1907 годов, специалист в области общественной медицины, гигиены и санитарии. Убит матросами в 1918 году.

луют словами «немедленно», «ввиду спешности вопроса», «вопрос чрезвычайно спешный», «незамедлительно», включая распоряжения по организации так называемого окуривания с целью проверки надежности противогозав. По этому вопросу, к примеру, директива давалась, буквально, в воскресенье, для обсуждения в понедельник и представления во вторник предложений для Генштаба. На документе стоит виза без подписи, состоящая из одного слова — «Исполнено». Почерк Хлопина. Война. Напряжение невероятное.

В монографии о Хлопине в этом месте я позволил себе такой абзац в скобках и мелким курсивом: «По иронии судьбы, спустя неполных пятьдесят лет после Первой Мировой войны, автор этих строк, еще далеко не врач, после сержантской школы в Осиновой Роще, служил срочную службу на Заполярном Севере (1963–1966) — именно химиком-инструктором-дозиметристом, — организовывал тренировки солдат с противогозами, включая то самое окуривание — хлорпикрином — для проверки эффективности и готовности противогозав к боевому применению». Сегодня этот абзац дополню: противогозав Зеленского–Хлопина, разработанный тогда в Противогозавой Лаборатории, был, как и при создании, эффективным и в течение более пятидесяти лет (!) оставался на вооружении Советской армии. А мне, тогда солдату, и в голову не могло прийти, что я 33 года буду работать в стенах кафедры, где создавался этот надежнейший противогозав, и что я буду писать статьи и книги о его создателе.

В 2000 году наша хлопинская кафедра получила своеобразный привет из Противогозавой Лаборатории 1915–1916 года. Кафедра в те дни была разгорожена вдоль щитами, обтянутыми полиэтиленом: на одной стороне шли занятия, на другой, сопровождаемый разными ненужными для учебного процесса звуками, — в тот день в кабинете доцентов шел ремонт.

Внезапно у меня в ректорате раздался телефонный звонок, и кто-то из сотрудников в состоянии большого волнения сообщил: отбивая многочисленные слои старой штукатурки, рабочие обнаружили в стене большой сейф.

Помня историю кафедры, я почуял неладное, сейф трогать запретил и сказал, что через минуту буду на кафедре — благо, только перебежать через двор. Ворвавшись в тот кабинет, я увидел картину, представленную на снимке. Сотрудники-то сейф не трогали, а вот рабочим наши запреты, хоть и проректора, не указ: ломами они как-то вывернули ржавый сейф из стены (золото, бриллианты!!!) и умудрились вскрыть дверцу (рис. 2). Драгоценностей не было.

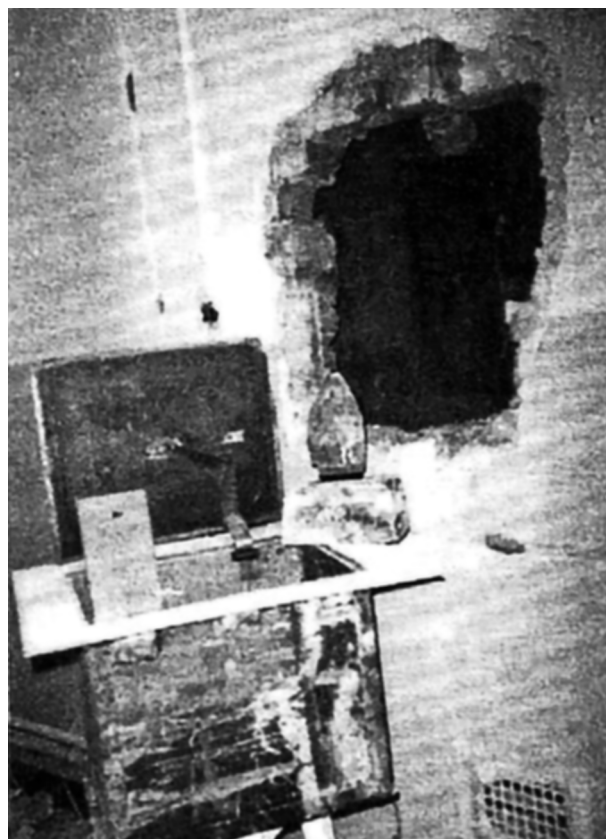

Рис. 2. Сейф 1915 года, извлеченный из стены в 2000 году

Fig. 2. A safe from 1915, removed from the wall in 2000

В сейфе, сохранившем внутри первозданную чистоту, мы обнаружили несколько деревянных желтых штативов с широкими гнездами, оклеенными изнутри мягким фетром. В гнездах находилось несколько пол-литровых склянок с притертыми пробками и надписями «Иприт».

Не помню, похолодел ли я, или не успел: надо полагать, что коричневая густая жидкость в сосудах и был этот самый иприт. Одна склянка была пуста и наполовину разбита, а может быть, лопнула когда-то без механического вмешательства. Но когда? Мелькнула мысль о нескольких преждевременных смертях сравнительно молодых сотрудников в 1950–1960-е годы...

Находка была сдана приглашенным специалистам МЧС, а сотрудникам кафедры, да и рабочим, без разрешения вскрывшим сейф, оставалось только радоваться, что при этой процедуре склянки не были разбиты...

* * *

...Григорию Витальевичу Хлопину мы благодарны и за двух выдающихся сыновей, Виталия и Николая, о старшем из них, Виталии, уже упомянуто. Иногородние слушатели нередко спрашивали: «Улица Хлопина названа в честь

Рис. 3. Виталий Григорьевич Хлопин

Fig. 3. Vitaly G. Khlopin

Григория Витальевича?» Приходилось объяснять: «Нет, в честь его сына — Виталия Григорьевича», — и напоминать об этом большом ученом с яркой, сравнительно короткой жизнью и драматической судьбой.

В Сети много изображений выдающегося радиохимика с множеством наград на груди, но для публикации я выбрал это (рис. 3). Прекрасное одухотворенное лицо, напоминающее портреты отца, но черты более тонкие, от мамы, — высокий лоб одаренного человека и грустный взгляд через стекла очков. Он будто предвидит свою уникальную судьбу...

Отметим, что до революции Виталий окончил Геттингенский и Петербургский университеты, как перспективный радиохимик был замечен В.И. Вернадским, стал его помощником и последователем, впервые в 1922 году получил отечественный радий, преуспел в работах по радиохимии плутония, что в конце сороковых было весьма актуально, за что и был неоднократно награжден. К Виталию Григорьевичу мы еще вернемся, после нескольких слов о его замечательном младшем брате.

Николай Хлопин, как и отец, приобрел два аналогичных высших образования: окончил физико-математический факультет Петроградского университета и Военно-медицинскую академию. Причем в этих вузах он учился одновременно! Созидательная жизнь Николая Григорьевича связана в основном с Военно-медицинской академией (ВМА), но трудился он также и в Институте экспериментальной медицины (ИЭМ), и в Ленинградском санитарно-ги-

гиеническом медицинском институте (ЛСГМИ), и в Институте онкологии. Как выдающийся морфолог, он работал рядом с академиком АН СССР А.А. Заварзиным; сотрудничая и соперничая, они создали две не противоречащие друг другу теории развития тканей, которые до сих пор, интегрированные современными учеными, служат основанием для новых исследований в этой тонкой области биологии. В 1945 году, будучи начальником кафедры гистологии ВМА, Николай Григорьевич был избран академиком АМН СССР, а в 1947 был удостоен Сталинской премии I степени.

После избрания в конце восьмидесятых заведующим хлопинской кафедрой ГИДУВа, я стал активнее ворошить ее историю, углубляться в архив, расспрашивать стариков-гигиенистов о потомках Хлопина. В этой среде как-то устоялось мнение, что у выдающихся сыновей «главного» Хлопина детей не было и, значит, фамилия иссякла. Более того, никто не знал, где похоронен старший Хлопин (!). К счастью, кто-то из ветеранов (если бы вспомнил, кто, отбил бы сегодня виртуальный земной поклон) обронил тогда, не потомок ли знаменитой семьи историк Хлопин, с которым он когда-то пересекался? Это было уже кое-что!

Это сегодня можно в поисковой строке набрать «Хлопин Игорь Николаевич» и получить небольшую статью о нем в Википедии. А тогда через университетских друзей я добыл телефон незнакомого археолога Хлопина, позвонил, представился. Игорь Николаевич на том конце провода поначалу был не очень-то любезен; потом я узнал, что по какой-то причине он не любит рассказывать об отце — сказывалась какая-то глубокая обида за него, связанная со службой в ВМА.

Мне удалось napроситься на визит, это был 1992 год, Игорю Николаевичу было всего 62, но жить ему оставалось, увы, всего пару лет. Но тогда он был полон сил, познакомил с женой Людмилой Ивановной, тоже археологом, но которая, в отличие от мужа, доктора исторических наук, защитила только кандидатскую. Игорь Николаевич был обаятелен и остроумен, расспрашивал о кафедре, которую основал его дед. И, наконец, я узнал, что «наш» Хлопин похоронен на Смоленском православном кладбище.

К моему удивлению, Игорь Николаевич подарил мне подлинник этой фотографии отца (рис. 4.) с дарственной в его адрес, которая, думаю, публикуется впервые. На случай, если надпись не разглядеть: «Дорогому Игорю с доброй надеждой от папы. 9.IX.47».

Рис. 4. Николай Григорьевич Хлопин

Fig. 4. Nikolai G. Khlopin

Для музея ЛенГИДУВа (Ленинградского государственного института для усовершенствования врачей) Игорь Николаевич не пожалел уникальных реликвий, сохранившихся от деда: его докторский и лекарский знаки на серебре с орлами и змейками, чернильный прибор, почетный знак «Другу Доброхима» и несколько приветственных адресов. Я осмелился спросить, не сохранились ли ордена Св. Владимира и Св. Станислава, которыми в царское время был награжден Г.В. Хлопин.

Игорь Николаевич с сожалением ответил, что остались только так называемые фрачные розетки к этим орденам (миниатюрные копии наград для ношения взамен орденов). А сами ордена во время блокады Ленинграда были обменены на продукты для голодающих членов семьи. И подумалось тогда: жаль, конечно, подлинных хлопинских орденов (их копии экспонировались у нас на кафедре вплоть до ее «кончины»), однако это сожаление растворилось в светлом сознании того, что великий гигиенист и человек, через годы, возможно, спас этим своих потомков от голодной смерти. Фрачные розетки кланчить я тогда не решился.

Игорь Николаевич пояснил также, что у него есть целых две сестры (!), то есть дочери Николая Григорьевича и внучки великого гигиениста. Старшая, Наталья Николаевна (1928 г.р.), — от второго брака, единокровная, и младшая Татьяна Николаевна (1931 г.р.) — от третьего брака, родная. Координаты Татьяны Николаевны я получил.

Немало интересного Игорь Николаевич сообщил и о своем великом дяде-радиохимике.

Потомков у него не осталось, видно, поэтому и считалось, в силу его известности, что продолжения рода Хлопиных нет. Дядя, как мы знаем, занимался оборонными исследованиями радиоактивных веществ; по словам Игоря Николаевича, в двадцатых годах прошлого века он даже носил пробирку с радием в нагрудном кармане (!). Опасность радия была тогда не вполне известна, его использовали даже в лечебных микстурах, а поскольку он светился, наносили и на цифры наручных часов.

Мы знаем, что дважды Нобелевский лауреат Мария Кюри открыла радий еще в самом начале века, всю жизнь работала с ним, но умерла от лучевой болезни только в 1934 году. Лишь к этому времени опасность радия для здоровья стала совершенно очевидной; отсюда понятно, почему выдающийся ученый в 1920-е годы так терпимо, если не сказать легкомысленно, относился к этому сравнительно новому элементу таблицы Менделеева.

Виталий Григорьевич был человеком необычайно скромным и закрытым, видимо из-за категорической засекреченности его бытия. Из бесед с Игорем Николаевичем выяснилось, что о первом браке дяди и судьбе его жены он ничего не знает. Однако в том браке была дочь, которая умерла в возрасте восьми лет, что дядя-радиохимик тяжело переживал. Он предполагал, что ее смерть связана с последствиями его работы. После этой драмы Виталий Григорьевич категорически не хотел иметь детей. И не имел.

Второй его брак был не менее драматичным. Жена, Мария Александровна Пасвик, была его сотрудницей и спутницей жизни до конца его дней. Их брак осложняла большая семья Марии Александровны — три сестры и брат, более чем неблагоприятные в отношении психического здоровья. В частности, брат супруги позиционировал себя как Николай II, что в 1930–1940-е годы было не вполне удобно, а младшая сестра умерла в 3-й Психиатрической больнице, причем антисоветский характер ее бреда доставлял В.Г. Хлопину много неприятностей. Надо полагать, что эта крайне непростая семейная среда, вместе с опасной работой, отняла у ученого немало здоровья. Тем не менее он полностью всех содержал, включая оплату съемной квартиры для жениной родни. В 1945 году Виталий Григорьевич перенес первый инсульт, после которого оправился не вполне; поразительно при этом: будучи директором института, из скромности, отказался от персональной машины (!), что добавило драматизма в его последние часы.

10 июля 1950 года он умер в трамвае по дороге на работу; как рассказывал мне Игорь

Николаевич, пассажиры решили, что мужчина пьян, вывели его из вагона и посадили к забору отдохнуть...

Когда приехала скорая, никто не ведал. Патологоанатомический диагноз: обширный геморрагический инсульт. Хроническая лучевая болезнь. Было ему всего 60 лет. Похоронен в усыпальнице Александро-Невской лавры.

...Относительно старшей сестры (по отцу), Натальи Николаевны, Игорь Николаевич особенно не распространялся; она была врачом-патологоанатомом, а что у нее с семьей, не говорил¹. Что касается младшей, родной сестры, Татьяны Николаевны, Игорь Николаевич не обнадежил: она немолода, одинока, нелюдима, живет со взрослым неженатым сыном, у которого что-то сильно нехорошо с головой. Все позже подтвердилось: Татьяна Николаевна очень скупо говорила со мной по телефону и во встрече отказала. Но через полтора десятка лет я ее все-таки увидел...

...В 1995 году СПбМАПО возглавил будущий академик Н.А. Беляков (на выборах ректора я набрал меньше голосов) — выдающийся, на мой взгляд, ученый, руководитель и человек. Я стал первым проректором, проректором по учебной работе. 12-летняя совместная с Николаем Алексеевичем работа в ректорате в то непростое для страны время — лучшие годы моей жизни.

Новый ректор очень трепетно отнесся к истории института и этим энтузиазмом заразил всю свою команду. Был возрожден домовый храм, написаны и изданы несколько коллективных монографий об институте прежних лет, главный вестибюль украсился галереей живописных портретов крупных ученых, наших предшественников (в том числе и Г.В. Хлопина), и большим изображением Великой княгини Елены Павловны — основательницы Императорского Клинического института.

К этому времени я побывал на могиле Г.В. Хлопина на Смоленском кладбище и нашел ее в плачевном состоянии: за покосившейся легкой оградой виднелась простая раковина, а отвалившийся крест лежал прислоненный к ограде. Сделал несколько снимков для предъявления ректору, которые сохранились. Было понятно, что могила, увы, никем не посещается.

¹ Не прояснил сегодня ситуацию и мой близкий друг и коллега по РАН Николай Мильевич Аничков, сообщив лишь, что на кафедре патологической анатомии ЛСГМИ, которой он много лет руководил, в 1980-е годы действительно работала врачом-прозектором Наталья Николаевна Хлопина. О ее семейном положении и возможных потомках ничего не известно.

Рис. 4. Памятник Г.В. Хлопину на Смоленском кладбище

Fig. 4. Monument to G. V. Khlopina at the Smolensk Cemetery

По нашей инициативе место погребения Г.В. Хлопина было взято под государственную охрану, и нас заверили, что при скорой реконструкции кладбища могила Хлопина будет перенесена в Пантеон захоронений великих людей, которые нашли здесь свое упокоевание. «Долго сказка сказывается...», но нам удалось добиться сохранения могилы на прежнем месте. Как мы теперь знаем, никакого Пантеона создано не было.

В 2004 году Николаем Беляковым было принято решение о создании на могиле памятника (взамен практически разрушенного временем надгробия). Монумент был изготовлен из красного гранита с бронзовым барельефом покойного по проекту члена Союза художников РФ, профессора Академии Штиглица Светланы Сергеевны Платоновой (1941–2018). Памятник был установлен, открыт и освящен в дни празднования 100-летнего юбилея кафедры медицинской экологии и эпидемиологии им. Г.В. Хлопина в сентябре 2006 года (рис. 4).

На мой взгляд, воплощая новый памятник, скульптор воспользовалась мотивом надгробия сына гигиениста, радиофизика В.Г. Хлопина

в Александро-Невской Лавре (фото есть в Сети, каждый может сравнить). Это сходство нельзя расценивать как недостаток, напротив, в этом есть символическая преемственность, пусть и с обратным «вектором». Помимо гигиенистов нашего города, на открытии памятника были и высокие гости из Москвы: академики Н.Ф. Измеров, Н.В. Русаков, профессора Б.А. Ревич, М.В. Фокин и другие крупные гигиенисты.

Откликнулась на приглашение и внучка Г.В. Хлопина Татьяна Николаевна, с которой раньше мне не удалось познакомиться: пожилая женщина возложила к памятнику деду цветы, но от посещения кафедры его имени и вообще от общения, как и прежде, уклонилась... Теперь ее прах покоится здесь же, о чем свидетельствует гранитная плита у подножия стелы. На фото, сделанном нами в день открытия, памятной плиты, понятно, еще нет.

Много лет подряд кафедра выступала организатором ежегодной научной конференции «Хлопинские чтения» с изданием сборника публикаций по тематике очередного заседания. В этот день, как правило, в июне, мы с врачами-слушателями посещали могилу нашего основателя, говорили соответствующие слова и возлагали цветы. «Хлопинские чтения» проводились вплоть до объединения двух институтов в 2011 году; в том году состоялась последняя, XXXXIV конференция. Вероятно, было бы не лишним гигиеническим кафедрам СЗГМУ им. И.И. Мечникова возродить эту традицию памяти нашего общего учителя.

* * *

...Учеником академика З.Г. Френкеля (правда, тоже достаточно условно), я все-таки мог быть. Дело было так. Помню 24 декабря 1969 года, кафедру коммунальной гигиены ЛСГМИ под руководством замечательного фронтовика профессора Владимира Афанасьевича Рудейко и себя, шестикурсника, члена студенческого научного общества при этой кафедре. Поскольку, получив диплом, я собирался продолжить образование под крылом Владимира Афанасьевича, внеурочное время посвящал работе за древними лабораторными столами кафедры: в тот день ставил какие-то опыты по хлорпоглощаемости воды.

Ассистент Мира Николаевна Куклина, мой, не побоюсь этого слова, очаровательный куратор, надевая шубку, осведомилась, не хочу ли я отправиться вместе с преподавателями в Военно-медицинский музей на чествование 100-летнего академика З.Г. Френкеля. Из курса социальной гигиены, от экзамена по которой

профессор Е.Я. Белицкая меня великодушно освободила, я уже что-то слышал о долгожителе Френкеле и его трудах, но должного значения событию не придавал, и к кафедре не присоединился. Знать бы тогда, что через 40 лет мне доведется написать об ученом изрядной толщины монографию [8].

А тогда, в Военно-медицинском музее, где через бездну лет замечательный служитель истории военной медицины Игорь Петрович Козырин помогал мне собирать материалы о Френкеле, я мог бы увидеть, как 100-летний Захар Григорьевич, несмотря на то что был слеп, поднялся сам на третий этаж и в течение сорока минут прочитал остроумную и яркую лекцию. И все в зале стали его учениками, в том числе и студент пятого курса Рашид Бахтияров, который всю свою жизнь посвятил сохранению памяти выдающегося ученого. А у меня статья «учеником» Френкеля тогда не получилось. Но потом я все же упущенное наверстал.

* * *

В 1918 году Григорий Витальевич Хлопин принял предложение Военно-медицинской академии и в марте возглавил там кафедру общей и военной гигиены. Он покинул другие учреждения, где работал, оставив за собой только кафедру в Женском медицинском институте, где, так же как и в ВМА, трудился до конца дней. Г.В. Хлопин покидал «Еленинский клинический институт», а его преемник принял кафедру уже в «Советском клиническом институте для усовершенствования врачей». Это переименование декретом Совнаркома РСФСР случилось 14 июня 1918 года [3].

Заведовать кафедрой гигиены с общей бактериологией пришел отнюдь не З.Г. Френкель, как иногда пишут, а профессор Казимир Викентьевич Караффа-Корбут, который через четыре года эмигрировал и в дальнейшем был известен как выдающийся польский гигиенист. После ухода К.В. Караффа-Корбута хлопинскую кафедру возглавил Константин Эрастович Добровольский, а З.Г. Френкель, уже известный специалист в области общественной медицины, в 1923 году организовал кафедру социальной гигиены, преобразованную в 1931 году в кафедру коммунальной гигиены. Так и работали дальше две кафедры в одних стенах вплоть до 1952 года, когда после увольнения Френкеля его кафедру объединили с хлопинской.

Еще в дореволюционные времена, в частности, в марте 1913 года, в газете «The Times» была опубликована большая статья З.Г. Френкеля под названием «Земство. Недавний кризис —

Рис. 5. Первая страница газеты «The Times» 15 (28) марта 1913 года

Fig. 5. The first page of the newspaper «The Times» on March 15 (28), 1913

разносторонняя энергическая деятельность» (рис. 5). Это был «Русский Номеръ» газеты, на русском языке, копию которого мне посчастливилось получить в дар в начале нулевых от сына академика Ильи Захаровича (1919–2011) и внучки Татьяны Ильиничны (пожелаем ей здоровья, мы по-прежнему на связи). Статья впервые полностью опубликована в юбилейном френкелевском сборнике в 2009 году [1].

Чтобы оценить ее масштаб, как и диапазон знаний уже известного, и не только земского, общественного деятеля Захара Френкеля, достаточно привести только названия разделов статьи: «Бессословность земств», «Закон о предельности обложения», «Децентрализация земства», «Школьное строительство», «Врачебная и лекарственная помощь — бесплатна», «Водоснабжение», «Земские телефоны», «Земские цементные заводы», «Земский мелкий кредит».

Статья Захара Григорьевича вызывает искреннее чувство гордости за нашу страну: она

полна оптимизма, проникнута истинным патриотизмом, в том числе и потому, что относится к периоду подъема России, успешно преодолевающей социальные и военные катаклизмы начала XX века.

В двадцатые годы З.Г. Френкель был уже опытным и известным специалистом в области общественной медицины, еще в 1913 году в Психоневрологическом институте читал курс «Общественная медицина и санитария». А в 1919-м, в тяжелейшие годы разрухи, Захар Григорьевич опубликовал большую работу «Социальная медицина и социальная гигиена, как наука и как предмет преподавания в высшей школе». В 1926 году работа З.Г. Френкеля была издана отдельной книгой под названием «Общественная медицина и социальная гигиена». Это был первый учебник по специальности, базовые положения которого, несмотря на крутые virages социальной политики в течение последнего столетия, легли в основу практически всех последующих руководств.

Надо заметить, что взгляды Хлопина и Френкеля на социальную гигиену, мягко говоря, не совпадали. Несколько схематизируя, противоречия можно представить так: Г.В. Хлопин отказывал социальной гигиене в самостоятельности, опасаясь, что новая специальность, равно как и новое направление в науке, выхолостит социальную составляющую из гигиены как таковой — общей, коммунальной, пищевой и др. Мэтр считал, что элементы социальной гигиены должны лишь сопровождать гигиенические науки, чтобы обеспечить их подлинную гуманитарную миссию.

Характеризуя позицию З.Г. Френкеля, в книге о нем я приводил непростые вопросы, которые он, возможно в более мягкой форме, ставил перед собой в те годы: «Как сохранить социальную гигиену как науку и как социалистическую теперь практику, в условиях, когда строится общество тотального братства и равенства, где социальных причин, влияющих на здоровье человека, не может и не должно быть? Самостоятельна ли социальная гигиена как наука, имеет ли свой предмет и метод, или это только некая “сфера обслуживания”, призванная дисциплинировать сопровождать другие гигиенические (и не только) науки и обеспечивать их корректными и политически грамотными статистико-демографическими материалами?» [8].

Для Захара Григорьевича ответ был очевиден. Однако дискуссии на этот счет продолжались и, вероятно, «философически» будут продолжаться и дальше. Вспомним хотя бы статью видного специалиста в области общественного

Рис. 6. Захарий Френкель — депутат Первой Государственной Думы, 1906 год

Fig. 6. Zakhary Frenkel — deputy of the First State Duma, 1906

здравоохранения профессора В.Н. Филатова, где он анализирует позиции наших героев и находит противоречия и недостатки и в той, и в другой [4]. Во всяком случае, не перейди Г.В. Хлопин в 1918 году в ВМА, сомнительно, что в «его» стенах на Кирочной, 41, родилась бы кафедра социальной гигиены под управлением З.Г. Френкеля...

В суровые двадцатые годы, когда от голода его семью в Лесном спасали лишь две козы (где косил траву для них хозяин — это отдельная история), одновременно с кафедрой, Захар Григорьевич находил силы руководить Отделом коммунальной и социальной гигиены в Музее Города. Для обширной экспозиции Советская власть предоставила Аничков дворец, в котором в 15 комнатах разместился Отдел Френкеля. В начале 1930-х годов этот Отдел по политическим мотивам был расформирован, а Захар Григорьевич был уволен. Недолго продержался там и сам музей: в 1932 году он был объединен с НИИ коммунального хозяйства и имел все шансы стать лишь фактом истории.

Однако Музей Города «умер» тогда не до конца. Те экспонаты из богатого собрания, что не были проданы за границу, нужно было где-то размещать. И в 1938 году возобновленный музей, можно не без сарказма сказать «*восставший из непаля полыни, очищенный звездным рассветом*», получил дворец Румянцева на Английской набережной, а позже и вовсе перебрался в бастионы Петропавловской кре-

пости, где с успехом пребывает и сейчас. Есть замечательный фильм о нем с несколько странным для современного уха названием «Самый умышленный музей», которое, надо полагать, отсылает нас к Ф.М. Достоевскому, который в «Записках из подполья» называл Петербург «умышленным городом». В фильме, увы, нет ничего об Отделе Френкеля.

Возможно, попробуем предположить, где-то в запасниках сохранились предметы из экспозиции будущего академика, так сказать, «помнящие тепло его рук». Некоторый в этом отношении оптимизм вселяет тот факт, что недавно меня посетила представительница музея и после интересной беседы спросила книгу о Френкеле для музейной библиотеки. Каковую я им и подписал.

Чтобы образ Захара Френкеля был полнее, нельзя не упомянуть эпизод двадцатых, когда он и все его домочадцы в Лесном (жена Любовь Карповна и три дочери) проявили себя в самом высоком человеческом качестве. Дело касается, как ни удивительно, восстания в Кронштадте 1921 года.

Сегодня мы знаем, что Кронштадтский мятеж был политическим лишь в том смысле, что его участники, сплоченные «неразбавленным» островным единством, «недопропагандированные» матросы, выступили против засилья одной партии, штыком и ложью прибравшей власть к рукам, жестоко выжигающей любое инакомыслие (дореволюционные, «разноцветные» настроения были в Кронштадте еще свежи). Восставшие отвергали незаконную, циничную монополию большевиков на власть, их лозунгом были «Советы без большевиков!», что было решительной, благородной, но, увы, запоздалой и бесперспективной попыткой исправить ошибки 1917-го...

Казалось бы, причем тут Френкель, в новой ситуации спасающий всеми средствами семью и себя; ведь нет сомнения, что бывший видный кадет, тем более член ЦК этой партии, депутат Думы, активный деятель Временного правительства, всегда был у Органов «на карандаше», что сказалось на судьбе его отдела в Музее Города, аресте в 1938-м и других тяжелых эпизодах его долгой жизни.

Кронштадтские события большевиками были объявлены восстанием во главе с агентами Антанты и генералом Козловским — другом и соседом Захара Григорьевича по «Лесному». На самом деле генерал не был лидером восставших — служил, был лишь командиром артиллерии, подчинялся начальнику штаба базы. Но на беду был в гарнизоне старшим по званию

и оказался для большевиков подходящей фигурой, чтобы, мобилизуя солдат и рабочих Петрограда против кронштадцев, объявить события «мятежом» обманутых матросов-статистов, которых толкает в бой недобитый царский генерал. Все это «по часам» прослежено отечественными историками. Руководил обороной Кронштадта Ревком во главе с С.М. Петриченко, который назначил командующим бывшего капитана Е.Н. Соловьянова, а начальником штаба подполковника Б.А. Арканникова. Во всех воспоминаниях очевидцев фамилия Козловского почти не упоминается.

Однако для Троцкого, руководившего осадой Кронштадта, уже было неважно, что генерал принял Советскую власть и добровольно пошел на службу в Красную Армию. Более того, его старший сын Николай, слушатель Артиллерийской академии, был членом партии большевиков и депутатом Петросовета. Сыновья Константин и Дмитрий, курсанты училища комсостава флота, участвовали в боях с войсками Юденича. Младшие дети — сын Павел и дочь Елизавета — еще учились в школе...

...Семья Козловских соседствовала с Френкелями в «Лесном», дети учились в одном реальном училище, и арест жены генерала Натальи Константиновны и четырех сыновей, а затем высылка всей семьи на Соловки, глубоко потрясла всех, кто их знал. Так или иначе, было известно, что под давлением превосходящих сил оставшиеся в живых защитники Кронштадта обратились к Финляндии с просьбой принять гарнизон. Разрешение было получено, и около восьми тысяч бойцов во главе с генералом Козловским ушли за кордон. Эти люди были спасены, а сам генерал жил в Финляндии вплоть до своей кончины в 1940 году.

Семье же его, которой он не в силах был помочь, пришлось тяжело. Вернувшись в Петроград после нескольких лет на Соловках, они были высланы в Череповец. Известно, что жена Козловского дожила до наших лет, она скончалась в 1958 году. Трое из четырех сыновей окончили-таки Политехнический институт, но работать могли только на высылке. Старший из них, как было упомянуто, вступил в партию, однако в 1927 году застрелился. *«Не могу терпеть несправедливости»*, — написал он в предсмертной записке.

Дочь Козловских Лиза (домашнее имя Люля) попыталась уклониться от высылки, но родная бабушка побоялась приютить ее в Лесном... Тогда Люля пришла к Френкелям. Через финского атташе удалось наладить связь с отцом, и девушка решила бежать в Финляндию. Помогать

ей в таком предприятии мало кто решился бы, однако Захар Григорьевич с домочадцами одели Люлю в пальто младшей дочери Валентины, зашили в подкладку остатки семейных ценностей, и Захар Григорьевич, беспрецедентно рискуя, переправил девушку через границу к отцу. В своих воспоминаниях, которые он записывал в 1940–1950-х годах, об этом поистине героическом эпизоде Захар Григорьевич, конечно, не писал [5]. О нем есть только сноска на странице 307.

Таким образом, только дочь Лиза встретилась с отцом, которому в эмиграции пришлось несладко. Перебиваясь случайными заработками, он, не без долгих колебаний, даже написал письмо президенту Маннергейму с просьбой о помощи. Ответ был, но короткий и категоричный: *«Для красного генерала у меня работы нет»*.

Такова горькая ирония судьбы: на родине Александра Николаевича считали врагом, объявили вне закона, а в Финляндии он остался «красным генералом». Несмотря на прохладное отношение финнов к кронштадтцам, ему как-то удалось «зацепиться» за жизнь. В предвоенные годы он был директором школы-интерната для детей эмигрантов, сумел дать Лизе неплохое образование. Елизавета вышла замуж за финского офицера Арво Виитасена. С ним много лет спустя она приезжала в Москву, где в последний раз встретилась с братом Павлом, гидрологом, доцентом Тольяттинского политехнического института. По данным финской печати, в Хельсинки, среди многочисленных потомков кронштадтцев, живет ее сын, внук генерала А.Н. Козловского, юрист Кай Виитасен.

Елизавета дожила до того дня (умерла в 1995-м), когда события в Кронштадте получили объективную оценку и Указом Президента РФ кронштадтцы были реабилитированы. И, как видим, жизнью своей дочь генерала А.Н. Козловского была обязана мужеству и благородству семьи Френкелей.

* * *

Помимо драматической эвакуации Лизы Козловской и разгрома его детища в Музее Города, в долгой жизни Захара Григорьевича было еще много обидных и горьких минут, часов, дней... А порой месяцев и лет. Из дореволюционных такого рода событий нельзя не вспомнить его первое тюремное заключение за подписание Выборгского воззвания к «гражданам России», которым часть депутатов распущенной Первой Государственной Думы выразила протест бесчинству самодержавия. Тогда, в переписке, Лев Толстой поддержал Френкеля своим письмом.

Начиная с 1930-х годов Захар Григорьевич, обобщая свой опыт клинициста, гигиениста, эпидемиолога и демографа, много работал над проблемами старения, что воплотилось в его главную монографию «Удлинение жизни и активная старость» — эту «библию» социальной геронтологии. С нею тоже все было непросто. Впервые она увидела свет в ГИДУВе в 1940 году, и двумя институтами, где ученый работал, была выдвинута на Сталинскую премию. Этой премии Захар Григорьевич не получил и комментировал это так: *«Разумеется, я ни минуты не думаю, что в Москве в комиссиях по премиям, где председательствует А.Н. Бах¹, моя книга могла иметь успех...»*. (То же произошло в 1950 году, когда в связи с 80-летием Захар Григорьевич был представлен к награждению Орденом Ленина. Представление и наградной лист были утверждены Министерством здравоохранения, но никакой награды ученый не получил.)

Следующим изданием книга вышла в ГИДУВе в 1945 году, а в 1949 году ее выпустила Академия медицинских наук. Это были годы, когда ученым с неправильными фамилиями трудиться, и даже существовать, было непросто, цензура книгу исковеркала вследствие «нового» взгляда на социальные причины, влияющие на здоровье человека. Захар Григорьевич тяжело переживал это грубое вмешательство в его авторскую позицию, в последующие годы готовил новое расширенное издание, но воплотить его в жизнь так и не удалось. Тем более, в эти годы он был последовательно уволен сначала из 2-го Меда, а в 1952 — и из ГИДУВа.

Вернемся, однако, немного назад. Беспощадные тридцатые годы не обошли стороной уже весьма немолодого З. Френкеля: летом 1938-го ему почти семьдесят, он арестован и подвергнут на Шпалерной изощренным пыткам. Заведующим его кафедрой в ГИДУВе немедленно был избран Р.А. Бабаянц. Однако и здесь судьба хранила Захара Григорьевича; настали бериевские «послабления», и 9 апреля 1939 года, на Пасху, он был освобожден. Надо отдать должное Рубену Амбарцумовичу: он сразу обратился в дирекцию с рапортом об отказе от заведования кафедрой и о возврате Френкеля на эту должность. А впереди была война и блокада Ленинграда. Как ее пережил пожилой ученый, здесь, в двух словах, описать невозможно — надо читать его собственные воспоминания и блокадный днев-

ник его старшей дочери, известного статистика и демографа Зинаиды Захаровны Шнитниковой-Лагарп [6]. Достаточно сказать, что жестоко страдая от дистрофии, старый ученый, пока мог, под обстрелами и бомбами, ходил пешком (!) из Лесного в ГИДУВ на работу...

Справедливости ради нельзя не сказать несколько слов о личной жизни, если не сказать драме Захара Григорьевича, которая добавляла немало горечи в его непростое существование и жизнь его близких. Случилось так, что в 1918 году почти 50-летний отец трех дочерей в одной из служебных поездок встретил доктора Екатерину Ильиничну Мунвез, которая через год родила ему сына Илью. И с тех пор он фактически жил на две семьи и, как мог и умел, заботился о той и другой.

Домочадцы первой семьи все знали и, насколько могли, относились к ситуации с пониманием, поскольку скоро убедились, что это не просто увлечение. Но чего это стоило жене Любови Карповне... Внук Захара Григорьевича Константин Саввич, с которым мне посчастливилось быть знакомым, в обиде за бабушку, в записках жестко осуждал деда; однако резюмировал так: *«Наверное, это был тот редчайший случай, когда мужчина любит одновременно двух женщин. Не говоря уж о его глубочайшей привязанности и к дочерям, и к сыну»*.

Именно поэтому Захару Григорьевичу придется пережить два тяжелых удара: первый — это кончина в 1948 году Любови Карповны, и второй — смерть Екатерины Ильиничны в 1962-м, и это был его скорбный крест. Захар Григорьевич с теплотой вспоминал, как они вместе с Екатериной Ильиничной в 1949–1951 годах по собственному проекту строили свой дом в Пушкине. В 2008 году, в пору подготовки книги о Френкеле, мне довелось побывать там и воспользоваться гостеприимством сына Захара Григорьевича — Ильи Захаровича, ветерана Великой Отечественной, и внучки — Татьяны Ильиничны. В 1970 году З.Г. Френкель был похоронен на Казанском кладбище города Пушкина.

Как-то закругляя воспоминания о двух великих гигиенистах, замечу опять, что друг друга они не очень-то жаловали; в «хлопинские» годы сказывалась разница в их социальном и научном статусе, которую подчеркивало, как выражается Френкель, «генеральство» Хлопина (за ордена Св. Владимира в свое время он получил личное дворянство), противоположные взгляды на управление подопечными коллективами, научные разногласия в отношении места и роли социальной гигиены. Был ли со стороны Хлопина душок антисемитизма, сказать

¹ Дядя Захара по матери, академик, сталинист, с которым у Френкеля по политическим причинам были крайне неприязненные отношения.

трудно, но предположить можно. Недаром мэтр гигиены в 1923 году в ВМА оказался в центре скандала, когда три слушателя-еврея пожаловались на притеснения со стороны профессора. Дело дошло до начальника Главного Военно-санитарного управления (ГВСУ) РСФСР З.П. Соловьева, поручившего разбирательство начальнику ВМА В.Н. Тонкову, который и получил от Хлопина пространное и убедительное письмо-объяснение. На копии письма позже рукой Хлопина сделана надпись: «12-13 окт. 1923 года ездил в Москву для объяснений, которые признаны вполне исчерпывающими З.П. Соловьевым».

Эти мои заметки свидетельствуют как о немалых заслугах двух больших отечественных ученых, жизненные пути которых лично, и в немалом смысле виртуально, пересекались, но так и о том, что, как водится, и «на солнце бывают пятна», что многое говорит нам о человеческой природе и характере двух наших замечательных предшественников. И от этого, мне кажется, их портреты, и память о них, становятся полнее.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Автор прочитал и одобрил финальную версию перед публикацией.

Источник финансирования. Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

ADDITIONAL INFORMATION

The author read and approved the final version before publication.

Funding source. This study was not supported by any external sources of funding.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академик АМН СССР Захарий Григорьевич Френкель. 140 лет со дня рождения. Материалы мемориальной научной конференции 18 декабря 2009 года. Под ред. А.П. Щербо. СПб.: СПбМАПО; 2009.
2. Кафедра медицинской экологии и эпидемиологии им. Г.В. Хлопина. 1906–2011, очерк истории кафедры за 105 лет. Под ред. А.П. Щербо. СПб.; 2011.
3. Ленинградский институт усовершенствования врачей (1917–1994). Под ред. Н.А. Белякова. СПб.: СПбМАПО; 2002.
4. Филатов В.Н. Социальная гигиена: взгляды З.Г. Френкеля и современность. В кн.: Академик АМН СССР Захарий Григорьевич Френкель. 140 лет со дня

рождения. Материалы мемориальной научной конференции 18 декабря 2009 года. Под ред. А.П. Щербо. СПб.: СПбМАПО; 2009: 95–9.

5. Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. Публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р.Б. Самофал. СПб.: Нестор-История; 2009.
6. Шнитникова З.З. Блокадный дневник. 2 сентября 1941–17 июля 1942 г. Вопросы истории. 2009; 5: 54–75.
7. Щербо А.П. Григорий Витальевич Хлопин. Листая страницы истории. СПб.: СПбМАПО; 2006.
8. Щербо А.П. Захарий Григорьевич Френкель. Жизнь длиною в век. СПб.: СПбМАПО; 2009.

REFERENCES

1. Akademik AMN SSSR Zakhariy Grigor'yevich Frenkel'. 140 let so dnya rozhdeniya. [Academician of the USSR Academy of Medical Sciences Zakhary Grigorievich Frenkel. 140th birthday]. Materialy memorial'noy nauchnoy konferentsii 18 dekabrya 2009 goda pod redaktsiey A.P. Shcherbo. Sankt-Peterburg: SPBMAPO Publ.; 2009. (in Russian).
2. Kafedra meditsinskoy ekologii i epidemiologii im. G.V. Khlopina. 1906–2011, ocherk istorii kafedry za 105 let. [Department of Medical Ecology and Epidemiology named after G.V. Khlopin. 1906–2011, an outline of the history of the department for 105 years]. Pod redaktsiey A.P. Shcherbo. Sankt-Peterburg; 2011. (in Russian).
3. Leningradskiy institut usovershenstvovaniya vrachey (1917–1994). [Leningrad Institute for Advanced Training of Doctors (1917–1994)]. Pod redaktsiey N.A. Belyakova. Sankt-Peterburg: SPBMAPO Publ.; 2002. (in Russian).
4. Filatov V.N. Sotsial'naya gigiyena: vzglyady Z.G. Frenkelya i sovremennost'. [Social hygiene: views of Z. G. Frenkel and modernity]. In: Akademik AMN SSSR Zakhariy Grigor'yevich Frenkel'. 140 let so dnya rozhdeniya. Materialy memorial'noy nauchnoy konferentsii 18 dekabrya 2009 goda pod redaktsiey A.P. Shcherbo. Sankt-Peterburg: SPBMAPO Publ.; 2009: 95–9. (in Russian).
5. Frenkel' Z.G. Zapiski i vospominaniya o proydennom zhiznennom puti. [Notes and memories of life's journey]. Publikatsiya, sostavlenie, kommentariy i vstupitel'naya stat'ya R.B. Samofal. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2009. (in Russian).
6. Shnitnikova Z.Z. Blokadnyy dnevnik. 2 sentyabrya 1941 — 17 iyulya 1942 g. [Siege diary. September 2, 1941 — July 17, 1942]. Voprosy istorii. 2009; 5: 54–75. (in Russian).
7. Shcherbo A.P. Grigoriy Vital'yevich Khlopin. Listaya stranitsy istorii. [Grigory Vitalievich Khlopin. Leafing through the pages of history]. Sankt-Peterburg: SPBMAPO Publ.; 2006. (in Russian).
8. Shcherbo A.P. Zakhariy Grigor'yevich Frenkel'. Zhizn' dlinou v vek. [Zachary Grigorievich Frenkel. A century-long life]. Sankt-Peterburg: SPBMAPO Publ.; 2009. (in Russian).